

А.И. Никитский

**Очерк внутренней истории
церкви в Великом Новгороде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.И. Никитский**
Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде / А.И. Никитский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-4241-9717-8

ISBN 978-5-4241-9717-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

изъ числа источниковъ по новгородской исторіи ¹⁾. А за устраненіемъ Якимовской лѣтописи, у насъ для составленія понятія объ отношеніи язычества къ христіанству въ Новгородѣ имѣется всего только одинъ мѣстный новгородскій мѣозъ, представляющій не историческую, а только образную картину паденія новгородскаго язычества. Но вопреки увѣренію г. Костомарова, даже и этотъ мѣозъ ничего не говоритъ въ пользу дѣятельнаго сопротивленія язычества въ Новгородѣ ²⁾. Лѣтописное извѣстіе о крещеніи народа въ Кіевѣ сообщаетъ намъ, что жители города по крайней мѣрѣ выражали плачемъ свое пассивное сопротивленіе поруганію Перуна. Ничего подобнаго въ Новгородѣ мы не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, новгородскій божокъ выказываетъ въ преданіи болѣе энергіи, чѣмъ кіевскій. Когда Перунъ, повязанный веревками, былъ съ пинками и ударами палокъ влекомъ со своего мѣста на Перыни къ Волхову, то бѣсъ, вошедшій въ него, кричалъ: „О, горе мнѣ, ахъ, попался я въ руки немилостивыхъ людей!“ Плывъ затѣмъ подъ Волховскимъ мостомъ, Перунъ бросилъ на него свою палицу; какъ бы завѣщая тѣмъ Новгородцамъ усобицы на этомъ самомъ мосту въ наказаніе за ихъ отступленіе отъ старой религіи. Но чтó въ мѣозѣ самое главное, — отношеніе новгородскаго населенія къ низвергнутому идолу, оно вездѣ является крайне враждебнымъ. Въ особенности ясно эта враждебность видна изъ послѣдняго разказа о судьбѣ Перуна: когда именно несчастный божокъ попробовалъ было пристать къ берегу у Пидьбы (рѣки, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны ниже Новгорода), то Пидьблянинъ, пришедшій на рѣку съ цѣлю вести на лодкѣ въ городъ горшки, увидѣвъ его, оттолкнулъ шестомъ и сказалъ: „Довольно ты, Перунице, ѣлъ и пилъ, плыви теперь прочь“ ³⁾.

¹⁾ Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода см. въ приложеніи I-мъ.

²⁾ Сѣверно-русск. народопр. II, 261.

³⁾ П. С. Р. I, IV, 207, 988 г.: «И приде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни, и повелъ повлести въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху ѣ по калу, бѣюще жаліемъ и плающе, и въ то время бѣше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, досталася немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же шловаше словъ великій мостъ, перже палицу свою на мостъ, ею же безумникъ убивающася, утѣху творять басомъ. И заповѣда никому не нигда же не перелати его. И иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горницы вести

Но хотя язычество въ древней Руси и не имѣло вообще дѣятельной силы для борьбы съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе успѣхъ, сопровождавшій утвержденіе послѣдняго, былъ въ разныхъ краяхъ Россіи далеко не одинаковъ. На югѣ Россіи, и въ особенноти въ Кіевѣ, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство совершилось сравнительно не только легко, но и довольно основательно. Такой оборотъ дѣлъ былъ обусловленъ тамъ значительною предварительною подготовкой, бывшею слѣдствіемъ близкаго сосѣдства и частыхъ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Греками. Благодаря этому обстоятельству, еще задолго до своего официальнаго признанія господствующей религіей, христіанство имѣло въ Кіевѣ не только своихъ приверженцевъ, но и свои храмы. Въ другихъ условіяхъ находились Великій Новгородъ. Отдаленный большаимъ пространствомъ отъ центра христіанской жизни и даже отъ Кіева, онъ тѣмъ самымъ былъ лишень подготовительнаго вліянія, которое впоследствии облегчило бы окончательное утвержденіе въ немъ христіанства. Христіанство было тамъ явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ официальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемены, но извѣстной намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало ¹⁾. А какъ явленіе новое, не подготовленное свободнымъ распространеніемъ полой вѣры, христіанство долгое время не могло быть въ Новгородѣ ни достаточно прочнымъ, ни достаточно глубокимъ. Оно не могло быть достаточно прочнымъ потому, что при свѣжести языческихъ преданій новообращенные христіане легко поддавались вліянію ревнителей старины и начинали колебаться въ привязанности къ новой вѣрѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ появленіе волхва, начавшаго возвѣщать о скоромъ наступленіи времени, когда послѣдуетъ премѣненіе странъ, и когда Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, и Русская — на мѣсто Греческой, не сопровождалось никакими сматеніями: волхва слушали только простые люди, а вѣрные смѣялись и говорили: „Вѣсь тобою играетъ на пагубу тебѣ“ ²⁾. Напротивъ того, въ Новгородѣ когда въ княженіе Глѣба

въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ берымъ, и отрану его шестомъ, и рече ему: Перунище! досыти еси злѣ и зла, а нынѣ прочь плыви...

¹⁾ Разборъ житій о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ см. въ приложеніи II-го.

²⁾ Лѣт. по Лавр. см., стр. 170, 1071 г.

ивился волхвъ, и превознося собственное невѣдѣніе и способность творить чудеса, сталъ хулить христіанскую вѣру, то встрѣтилъ общее сочувствіе. Около Новгородскаго епископа Осодора, вышедшаго въ церковномъ облаченіи увѣщевать отпавшихъ, собрались только князь Глѣбъ да его дружина; вся же остальная масса новгородскаго населенія пристала не колеблясь къ волхву. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, грозившемъ Новгородскому владѣнію серьезною опасностью, только рѣшительность князя Глѣба спасла, по разказу лѣтописца, дѣло христіанства: спратаннымъ на случай топоромъ Глѣбъ разсѣкъ волхва, собиравшагося сотворить великія чудеса, перейти на глазахъ у всѣхъ рѣку Волховъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшее развитіе мятежа ¹⁾. Въ ближайшихъ однако въ центру церковной жизни мѣстностяхъ, то-есть, въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, христіанское усиліе мало по малу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе массы народа и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе торжествовало надъ язычествомъ. Какую переимѣну въ понятіяхъ Новгородцевъ должны мы предположить, если сопоставимъ съ разказомъ о князѣ Глѣбѣ поступокъ Новгородцевъ съ волхвами въ 1227 году: волхвъ при Глѣбѣ чуть не совратилъ въ язычество всю массу новгородскаго населенія, а въ 1227 году мы не только не слышимъ ни о какихъ успѣхахъ волхвовъ между жителями вольнаго города, но и читаемъ извѣстіе, что Новгородцы сжигаютъ на Ярославомъ дворѣ четырехъ кудесниковъ почти не безъ всякаго изслѣдованія дѣла: разница огромная ²⁾!

Но, если внѣшнее торжество надъ язычествомъ доставалось уже не безъ особеннаго труда, то еще труднѣе было восторжествовать надъ нимъ внутренне, истребить въ умахъ новообращенныхъ христіанъ всѣ остатки прежней религіи. Неудивительно поэтому, что

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 175—176, 1071 г.: «Сиде бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новгородѣ, глаголетъ бо людемъ, творяя аки Богъ, (и) многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко проведе ваа и хули вѣру христіанскую, глаголашеть бо: яко преду по Волхову предъ воими». И бысть мятежъ въ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облегъся въ ризы, ста, рекъ: «яже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ завъ; аще ли вѣруеть кто, то по кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: явлъ бо Глѣбъ и дружина его идоша и стаща у епископа, а люде вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ неши ими...

²⁾ П., С. Р. Л., III, 42, 1227: «съягоша вѣлхамъ 4, творахуть ѣ потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съягоша ихъ на Ярославли дворѣ».

подъ внѣшнимъ христіанскимъ покровомъ еще долго скрывался густой слой языческихъ вѣрованій, и что вслѣдствіе того новообращенные долгое время казались какъ бы двоевѣрными. На верху, въ общественной жизни, несомнѣнно преобладало христіанство; но въ частномъ быту, гдѣ въ древности сосредоточивалось храненіе языческаго культа, и гдѣ каждый родоначальникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ, язычество долго сохраняло еще значительную силу. Такъ общественные языческіе идолы были испровергнуты, и князь не приносилъ имъ уже болѣе жертвы; но въ типѣ домашней жизни ничто не препятствовало обращаться съ чествованіемъ не къ христіанской снѣтницѣ, а къ жившимъ изъ народной памяти домашнимъ языческимъ божкамъ, Роду и Роженицамъ, и приносить имъ въ жертву хлѣбъ, сыръ и медъ ¹⁾. Старые языческіе обряды были подвергнуты преслѣдованію въ публичной сферѣ, но они продолжали жить въ частномъ быту и даже вкрадывались въ обрядовую сторону христіанской церкви. Въ язычествѣ, напримѣръ, существовалъ обычай хоронить мертвыхъ не иначе, какъ съ извѣстными вещами, пригодными для умершихъ въ ихъ загробной жизни; новообращенные перенесли этотъ обычай и на христіанское погребеніе и стали класть съ умершими иконы. Церковная власть, правда, не считала этого явленія предосудительнымъ и не требовала обратнаго изытія иконъ изъ могилъ; тѣмъ не менѣе простыя толки о степени законности существованія такого обновленія показываютъ, что для христіанской церкви это былъ совершенно чуждый обычай ²⁾. Значеніе волхвовъ, конечно, было сильно поколеблено съ общественной жизни; но въ частномъ быту религіозное чувство имѣло полный просторъ и побуждало, напримѣръ, матерей приносить своихъ больныхъ дѣтей не къ христіанскимъ священникамъ для молитвы, а къ блюстителямъ старой религіи, къ волхвамъ ³⁾. Вообще, послѣдніе и при господствѣ новой религіи умѣли сохранить за собою значительную долю вліянія. Быть можетъ, на развитіе въ Новгородской жизни волхвованія не осталось безъ вліянія присутствіе въ Новгородской землѣ массы финскаго населенія, кото-

¹⁾ *Калайдосичъ*, Пам. XII в., стр. 179: «Аже се роду и рожаницѣ крауть хлѣбы и сыры и медъ. Воронише велики: иждѣ, рече, молвити(ся?): горе пьющимъ рожаницѣ».

²⁾ Тамъ же, стр. 184: «Икону погребли бяху съ жертвенцемъ святаго Михаила, и не поведѣ възгребати: крестьянъ, рече, естъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 202: «А еже дѣтій для жемъ творить что-либо; а емо възбалитъ, или къ волхвѣмъ носуть, а не къ попови на молитву?»

рое какъ вообще славилось своими волхвами и вѣдунами, такъ въ частности пользовалось этою славой и у Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, указывающій на склонность Новгородцевъ обращаться къ чудскимъ кудесникамъ съ цѣлю узнать непостижимое ¹⁾. Какъ бы то ни было, только волшебство въ его разныхъ видахъ пользовалось въ Новгородѣ большимъ распространеніемъ. Басни, примолвленья, пользование улами и приворотными травами и вареньями, вороженье и т. д. ²⁾ могутъ служить примѣрами господствовавшихъ въ Новгородѣ въ теченіе всей его исторіи суевѣрій.

Еще болѣе, чѣмъ въ собственно религіозной жизни, сила язычества поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ тѣхъ именно, которыя вообще стоятъ въ тѣсной связи съ религіей. Къ числу такихъ областей нужно отнести жизнь семейную и народныя увеселенія. Какъ извѣстно, въ періодѣ язычества существовали двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ лежало одинаково начало взаимнаго согласія (*mutuus consensus*) вступающихъ въ бракъ: формами этими были веденіе и умычка, различавшіяся тѣмъ, что въ первомъ случаѣ бракъ совершался съ согласія родителей, а во второмъ — совершенно не требовалось послѣдняго. Умычка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на умычку на игрищахъ между селами, предполагавшую по крайней мѣрѣ согласіе жениха и невѣсты на бракъ, и на умычку у воды, представлявшую не что иное, какъ простое похищеніе женъ. Съ водвореніемъ христіанства, принявшаго семейный бытъ подъ свое особенное попеченіе, всѣ эти формы брака должны были уступить свое мѣсто церковному благословенію. Но церковное вѣнчаніе водворялось однако съ трудомъ. Въ обществѣ, кажется, господствовало убѣжденіе или предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна только для князей и знатныхъ людей. Что же касается до массы простаго народа, то полагалось, что при вступленіи въ бракъ она можетъ довольствоваться простыми, послѣдственными отъ старины формами, минуя совершенно священническое благословеніе на глазахъ у всѣхъ въ церкви. Какъ бы то ни было, но мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Новгородѣ подобное заключеніе брака веденіемъ и умычкой. На первое указываетъ заключеніе брака

¹⁾ Лст. по Лавр. сп., 174, 1071 г.: «приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдъ, и прїде къ кудеснику, хотя волхонанья отъ него»...

²⁾ А. А. В., I, 462 № 369, 1410 г.: «Такожь учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не прїмали, ни уловъ, ни примолвленья, ни зелья, ни вороженья... См. также П. С. Р. Л., IV. 279. 1506.

„именемъ и плесканіемъ“, то-есть, домашній торжествомъ, на которомъ оглашались новобрачные и были привѣтствуемы окружающими плесканіемъ, то-есть, по всей вѣроятности, хлопаніемъ въ ладоши ¹⁾. Что же касается умочки, то есть извѣстіе, что въ новгородскихъ предѣлахъ еще въ XIII столѣтіи существовалъ обычай видѣть не-вѣсть къ водѣ и возбуждалъ противъ себя громкія порицанія со стороны церковной власти, очевидно, какъ противъ формы брака, несогласной съ обычаями христіанской церкви ²⁾. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ язычествѣ имѣло мѣсто многоженство. И вотъ, не смотря на водвореніе христіанства, мы видимъ, что церковныя правила по отношенію къ супружескому союзу соблюдаются очень слабо, и что семейная жизнь Новгородцевъ иногда мало отличается отъ времени язычества. Въ Новгородѣ нерѣдки были случаи, что миряне не только вступали въ четвертый бракъ, но и разводились съ женами, бросали своихъ и брали чужихъ и даже къ вышнему соблазну возвращались къ многоженству, имѣли одновременно по двѣ жены ³⁾. Распущенность новгородской семейной жизни была вообще такъ сильна, что проникла даже въ жизнь новгородскаго духовенства и повела, какъ увидимъ впоследствии, къ возникновенію вопроса о вдовствующихъ священникахъ.

Не менѣе ярко продолжали жить языческія преданія и въ народныхъ увеселеніяхъ, которыя, служа остатками языческихъ религіозныхъ торжествъ, необходимо сохраняли на себѣ многіе слѣды своего древняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что обличенія духовныхъ пастырей очень часто преслѣдовали въ народныхъ увеселеніяхъ и такія черты, которыя не имѣли никакой связи съ языче-

¹⁾ Русск. Достоп., I, 101—102, конца XII в.: «Яко же еси реклъ, оне не бивають на простыхъ людехъ благословеніе вѣчаніи, но болре томо и квати вѣчаються; простыи же людехъ яко именѣи и плесканіемъ разукъ десемъ всякъ и речемъ: иже прости законъ простыицѣи и невѣманъ си творятъ совокупленіе. Иже кроиъ божественны церкви кроиъ благословеніи творитъ свадьбу, тайно поминаніе наречетъ, иже тако помнають, якоже блудныиъ опитенъи дають».

²⁾ Востококозъ, Опис. Руюн. Рум. Муз., 321, XIII в.: «и се слышахотъ: въ предѣлахъ Новгородскихъ новѣсты водать къ водѣ; и иже не великъ тому тако быти или то прогнати повелѣвають».

³⁾ Русск. Достоп., I, 94, конца XII в.: «И иже помнаються безъ благословеніи съчтаніе и жемъ отиѣтаються и своя жемъ пуцають и пригнѣпаються иже?» Тамъ же, I, 91: «Тоже створи (то-есть, лишъ причащенія), иже бесъ труда и бестраха и бестраха двѣ жемъ ижеють, кроиъ сея вѣрмъ нашея»...

ствомъ и вообще носили совершенно невинный характеръ. Достаточно указать на то, что обличители постоянно нападали на безкусственную музыку, бубны, сопѣли, гуденіе струнное, на всякія пляски со свистаніемъ, клнчемъ и воплемъ и на распѣванье „скверныхъ бѣсовскихъ пѣсенъ“. Быть можетъ, побужденіемъ къ порицанію въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что при нерѣдкомъ совпаденіи народныхъ увеселеній съ христіанскими праздниками, всѣ эти забавы находились въ противорѣчій съ тѣмъ образомъ поведенія, какой приписывался на это время христіанскою церковью. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно также и то, что народныя увеселенія представляли для обличителей не мало и дѣйствительно языческой пицци. Прежде всего, достаточный поводъ къ преслѣдованію подавала пастырямъ уже та масса языческихъ суевѣрій, которая по старинѣ связывалась съ этими увеселеніями, а именно—исканіе травъ и кореньевъ, которые должны были служить приворотными средствами въ разныхъ житейскихъ случаяхъ ¹⁾. Но еще болѣе негодованіе пастырей вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ народнымъ торжествамъ примѣшивались старинныя обычаи, рѣзко расходившіеся съ началами христіанской церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ народныхъ увеселеній Новгородской земли нельзя не узнать подобія, или по крайней мѣрѣ, слѣдствія умычки на игрищахъ между селами, господствовавшей въ древнѣйшее время. Владимірскій соборъ 1274 года, уподобляя игрища, которыя имѣли мѣсто въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи въ ночь съ субботы на воскресенье, греческому Діонисіеву празднику, говоритъ, что на нихъ мужчины и женщины, собравшись вмѣстѣ, ристали и ржали, какъ кони, и дѣлали скверну ²⁾. Въ чемъ состояла эта скверна, поясняетъ отчасти празднество, происходившее во Псковѣ еще въ XVI столѣтіи въ ночь на день св. Іоанна Предтечи. Пѣсни и пляски, которыми открывалось тамъ игрище, кончались дѣйствіями, въ которыхъ порицатели видѣли паденіе му-

¹⁾ П. С. Р. Д., IV, 279, 1505: „еще прежде того великаго праздника, исходить огавицы мужіе и жены, чаровицци, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуща смертныя травы и приѣз то чрева... Туже и дѣла кореніи копають на потвореніе мужемъ своимъ: сіи вся творять дѣйствомъ діаволимъ въ день Предетечевъ, съ приговоры сотонинскими.“

²⁾ *Востоковъ, Опис. Рукоп. Рум. Муз.*, 321, 1274 г.: „Се слышахомъ: въ субботу вечеръ собираются мужи и жены вкупѣ и играютъ безстыдно и скверну дѣють. внощъ святаго воскресенія. яко діонисіевъ праздникъ празднуютъ нечестивыи салкии вкупѣ, мужи и жены, яко и кони выскають и ржутъ и скверну дѣють“.

жей и отроковъ, оскверненіе замужныхъ женщинъ и растлѣніе дѣвицъ ¹⁾. Наравнѣ съ игрищами, служившими остатками языческихъ праздниковъ, церковные пастыри находили основаніе возставать и противъ другихъ языческихъ новгородскихъ обычаевъ, въ особенности же противъ обычая „бить бочки“. Г. Костомаровъ полагаетъ, что подъ этими словами разумѣется народная игра попадать въ бочки, употребительная у Хорутанъ и до сихъ поръ ²⁾. Почтенный исследователь новгородской старины однако ошибается. Подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовленія прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро именно при приготовленіи пива, меду и квасу дѣло доходило до извѣстнаго, важнаго въ производствѣ термина, какъ напримѣръ, до сливанія, то окружавшіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ и божка кваса. Противъ этого-то величанія пьянства и возставали духовные пастыри, и сколько мы знаемъ, не совсѣмъ безуспѣшно. По крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1358 году Новгородцы постановили рѣшеніе не бить далѣе бочекъ ³⁾. Поводомъ къ такому стремленію послужило, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ порицаніе противъ этого обычая со стороны представителей церкви. Но уничтоженный въ самомъ Новгородѣ, обычай этотъ продолжалъ жить, вѣроятно, въ его областяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Русской земли еще въ XVI столѣтіи и былъ причиною новыхъ обличеній со стороны церкви ⁴⁾.

Слабость совнанія началъ христіанской религіи препятствовала Новгородцамъ быть ревностными распространителями христіанства въ областяхъ, подчиненныхъ ихъ вліянію. Но за то, въ сравненіи съ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 279, 1505 г.: „ту же есть мужень и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное иль возвращеніе, такоже есть и женамъ муматимъ оскверненіе и даванъ растлѣніе“.

²⁾ Озверно-русск. Народопр., II, 161.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 63, 1358 г.: „Того же лѣта дѣловаша бочекъ не бити“. Ср. Никон., лѣтоп. III, 211.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. 93, стр. 397: „и надѣ дельми еврѣи надѣ бочками и корчагами нвасъ приывающе и грохочуще“. Тамъ же, стр. 399: „егда же вино топчють или егда вино въ сосуди преливають или иное кое питіе сливають, гласованіе и вопль велиі творять неразумни по древнему обычаю славнскихъ прелести. славнскаго бога Дюниса пьянству учителя приывають, и гласящи великимъ гласомъ нвасъ приывають и нвасъ услаждають и пьянство величаютъ“.

своими ближайшими сосѣдами и соперниками по дѣлу распространенія христіанства, Нѣмцами и Шведами, они отличались другимъ важнымъ качествомъ. По словамъ самого нѣмецкаго лѣтописца, дѣло обращенія въ христіанство язычниковъ Ливоніи было слѣдствіемъ безчисленныхъ войнъ, религиозное просвѣщеніе слѣдовало тамъ не иначе какъ по пятамъ за оружіемъ, главнымъ двигателемъ былъ „страхъ Божій“, то-есть, опасеніе язычниковъ за сохраненіе своего существованія¹⁾. Напротивъ того, по отзыву того же лѣтописца, Русскіе князья заботились главнымъ образомъ о простомъ подчиненіи сосѣдей своей власти, о полученіи съ нихъ дани, ни мало не хлопоча о насильственноиъ принужденіи ихъ къ принатію христіанской вѣры²⁾. Этимъ качествомъ, порицаемымъ въ Русскихъ князьяхъ нѣмецкимъ лѣтописцемъ, были одарены щедро и Новгородцы. Между тѣмъ какъ Шведы, недовольные своею просвѣтительною дѣятельностью между язычниками, предпринимали подъ руководствомъ Магнуса крестовый походъ противъ самаго Великаго Новгорода,—въ то время Новгородцы умѣли жить мирно съ латинскою вѣрою даже въ своихъ собственныхъ стѣнахъ. Не только иновѣрцы пользовались въ вольномъ городѣ безпрепятственно правомъ свободнаго богослуженія, но и сами Новгородцы обращались иногда къ нимъ за исполненіемъ церковныхъ требъ: матери, напримѣръ, носили своихъ дѣтей крестить вмѣсто православнаго къ варажскому, то-есть, къ римско-католическому священнику³⁾. Только впоследствии, какъ показываетъ легенда о построеніи варажской божицы, возникло мнѣніе, порицавшее Новгородцевъ за допущеніе свободы вѣроисповѣданія для римскихъ католиковъ; но это фактическое мнѣніе было слишкомъ бессильно, чтобы поколебать уже прочно установившуюся въ жизни терпимость къ иновѣрцамъ⁴⁾. Точно такая же снисходительность управляла дѣйствіями Новгородцевъ и въ отношеніяхъ ихъ къ религіи подчинен-

¹⁾ Script. Rer. Livon., I, 94, 1205. Тамъ же I, 106, 1206: «Et merito post bella doctrina sequitur theologica, cum eodem tempore, post bella omnia praedicta, conversa et baptizata sit tota Livonia. Nam post discessum regis Ranthenorum cum exercitu suo, invasit timor dei Livones per universam Livoniam».

²⁾ Script. Rer. Livon., I, 166, 1212 г.: «Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare».

³⁾ *Калайдовичъ*, Памяти. XII в.: «А оме се носили къ варажескому попу дати на молитву?»

⁴⁾ Пам. Ст. Рус. Лит., I, 251—252.

нихъ имъ язычниковъ. Какъ ни важно было обращеніе послѣднихъ въ христіанскую вѣру для прочтѣннаго утвержденія надъ ними власти Великаго Новгорода, ни не встрѣчаемъ однако въ послѣднемъ почти никакого внимательства ни правительства, ни церковной власти въ дѣло распространенія христіанства. Единственнымъ примѣромъ внимательства могло бы служить крещеніе Корѣлы, совершенное въ 1227 году Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ¹⁾. Но и здѣсь фактъ внимательства былъ обусловленъ не столько собственными побужденіями Новгородцевъ, сколько давленіемъ извнѣ. Пользуясь крещеніемъ финскихъ народцевъ, какъ средствомъ къ подчиненію ихъ своей власти, Шведы старались новому распространить крещеніе огнемъ и мечемъ и на подвластныхъ Великому Новгороду Финновъ, въ томъ числѣ и на Корѣлу, въ надеждѣ тѣмъ легче исторгнуть ее изъ-подъ власти послѣдняго. Естественно поэтому, что и Новгородцы, для предупрежденія враждебнаго движенія, должны были прибѣгнуть къ тому же средству утвержденія своего владычества надъ подчиненными, то-есть, къ крещенію и дѣйствительно воспользовались имъ не безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ въ послѣдующее время остался безъ подражаній. Даже дальнѣйшее обращеніе Корѣлы шло совершенно естественнымъ путемъ, совершалось единственно усиліями Соловецкихъ подвижниковъ²⁾.

Благодаря религіозной терпимости, которою характеризовалась новгородская жизнь, обращеніе въ христіанство населенія Новгородскихъ областей представляло, въ сравненіи съ обращеніемъ самихъ Новгородцевъ, еще болѣе медленный историческій процессъ, не завершившійся даже во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Можно даже сказать, что это было нѣ столько распространеніе, сколько естественный, совершенно самородный ростъ христіанства, такъ какъ главную роль при этомъ играли не

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 427, 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крестити множество Корѣлъ, мало не всея люди». П. С. Р. Л., III, 79, 1339 г.: «А сяхъ (Новгородскихъ Корѣлъ) не выдадихъ, крещени суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталось, а то вси покроша словомъ Воинихъ».

²⁾ Архив. Досиелъ Описан. Солов. мон., I, 53. Сборникъ грам. Солов. мон., № 5: «Се азъ Федоръ Ивановъ, воевода Каласкія рати, и подвойскіе Олорей и Федоръ, и Новгородцы, и дѣти Корѣльскіи, Вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Калаская, что ходили есмь на Ію рѣку, за обиду дѣтей Корѣльскихъ, и на войтѣ своей дали есмь колоколъ св. Спасу на Соловки».